

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

**Материалы Международной
научно-практической конференции**

**«ДЖЕМАЛДИН ЯНДИЕВ:
КЛАССИК И СОВРЕМЕННОК»,**

*посвященной 100-летию со дня рождения
выдающегося ингушского поэта*

**Магас
2016**

УДК82-94
ББК83.3
Д40

Организационный комитет конференции:

Председатель оргкомитета Мартазанов А.М.

Заместитель председателя Султыгова З.Х.

Члены оргкомитета: Албогачиев А.А., Базоркина Х.Б., Бекова М.Р.,
Галаева Л.Х., Евлоева А.М., Илиева З.Б., Кульбужев М.А.,
Мальсагов А.А., Мартазанова Х.М., Матиев М.А.

Редакционная коллегия:

Бекова М.Р., Галаева Л.Х., Евлоева А.М., Илиева З.Б.,
Кульбужев М.А., Мартазанова Х.М., Матиев М.А. (отв. ред.)

Д40 **Джемалдин** Яндиев: классик и современник. (Материалы
Международной научно-практической конференции, посвя-
щенной 100-летию со дня рождения выдающегося ингушского
поэта). / Назрань, ООО «КЕП», 2016 – 236 с.
ISBN978-5-4482-0017-5

В сборнике публикуются доклады участников Международной научно-
практической конференции (Магас, 26-28 2016 года), посвященной юбилею выдаю-
щегося ингушского поэта Джемалдина Яндиева (1916-1979).

УДК82-94
ББК83.3

ISBN978-5-4482-0017-5

КУРЮКО КАК ТРИКСТЕР И КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ

Матиев М.А.,
Ингушский государственный университет
(Магас, Республика Ингушетия, РФ)

Аннотация: Одним из самых интересных произведений древнейшего пласта ингушского нартского эпоса можно считать сказание «Семь сыновей выюги». Из всех опубликованных на сегодняшний день текстов о «Сыновьях выюги» записанный В.Светловым является не только самым большим по объему, но и самым интересным со многих точек зрения. Его главный герой Курюко является одновременно культурным героем и трикстером.

Ключевые слова: ингушский фольклор, нартский эпос, трикстер, культурный герой, Курюко, Мать выюг, «Сыновья выюги».

KURYUKO AS TRICKSER AND CULTURAL HERO

M. Matiev
Ingush state University

Abstract: One of the most interesting works of the Ingush Nart epic can be considered "Seven sons of a blizzard." Of all published to date the texts of the "Sons of the blizzard" recorded V.Svetlov is not only the biggest in terms of volume, but also the most interesting from many points of view. Its main character is both Kuryuko culture hero and trickster.

Keywords: Ingush folklore, Nart epic, a trickster, a cultural hero, Kuryuko, Mother blizzards, "The sons of the blizzard."

Хотя в фольклоре любого народа трикстериада занимает заметное место, фольклористов больше привлекают не трикс-

терные сюжеты как таковые, а образы культурного героя и трикстера [3;14;12;13]. И это оправдано. Образы эти являются чрезвычайно интересными и сложными. Это в полной мере можно отнести и к образам трикстера и культурного героя ингушской версии нартиады. Трудно согласиться с мнением о том, что «главным культурным героем ингушской нартиады является Сеска Солса» [17:57].

Если говорить о древнейшем пласте ингушского нартского эпоса, то одним из самых его интересных произведений можно считать «Семь сыновей вьюги». К настоящему времени опубликовано несколько вариантов ингушского сказания о происхождении созвездия «Большая медведица». Ингуши, как известно, до сих пор называют это созвездие «Сыновьями вьюги» («Дарза къонгаш»).

Сюжеты всех этих текстов сводятся к следующему. На вершине горы Бешлом (или – Бешлом-Корт) (ингушское название горы Казбек) живет языческий бог Тга со своей женой Дарза-нана («Мать вьюг») и семью сыновьями. Нарт по имени Курка (Куркъа или Курюко) решает похитить у Тга баранов (по другим вариантам – огонь). Курка является одновременно культурным героем и трикстером. Он обманным путем вовлекает в свое предприятие сыновей Тга, при их помощи ему удается похитить овец. Тга решает наказать не только Курка, но также и своих сыновей, ставших сообщниками культурного героя, и свою жену, Мать вьюг, за то, что она родила и вырастила столь коварных сыновей. Мать вьюг обречена вечно стеречь привязанного к скале Курка, чье сердце (как вариант – печень) терзает хищная птица. Ее сыновья, т.е., Сыновья вьюги, превращены в звезды (по некоторым вариантам – в куски льда) и составляют созвездие Большая медведица.

Одна из первых записей этого сказания произведена В.Я. Светловым [15:198-214]. Текст, по всей очевидности, был записан в ингушском селе Гвилети (Гелате), которое находится у подножия горы Казбек. Из всех опубликованных на сегодняшний день текстов о «Сыновьях вьюги» записанный В. Светловым является не только самым большим по объему, но и самым интересным со многих точек зрения.

К числу же главных недостатков этой записи, очевидно, следует отнести то, что, во-первых, запись производилась сразу в переводе на русский язык, по крайней мере, запись на языке оригинала не сохранилась, во-вторых, к большому сожалению, В.Светлов подверг текст сказания литературной обработке.

Следует также разобраться в степени, если можно так выразиться, «ингушскости» записи В.Светлова. Не вызывает ни малейшего сомнения то, что в основе своей сказание «Семь сыновей вьюги» является исконно ингушским. В тексте «задействованы» имена ингушских языческих богов, ингушская топонимика, действие происходит на территории Ингушетии, сказание является широко известным среди ингушей и в данном виде почти не известно их ближайшим соседям. Вот одна из убедительных, на наш взгляд, цитат из этого сказания: «Над этими полями выше высоких утесов и гор, выше ходячих туманов царит старый дух – могущественный Тга. Его страшным именем названы и горы, и долины по всей окрестности». Можно с уверенностью говорить о том, что сказание о Сыновьях вьюги является «порождением» языческих и мифологических представлений ингушей.

Вместе с тем надо отметить, что в рассматриваемый нами текст кое-что привнесено извне, в том числе, очевидно, и самим В.Светловым.

Для начала отметим ошибку В.Светлова, которая бросается в глаза сразу же. Речь идет о том, что, по ингушской мифологии, на вершине Казбека живет Мать вьюг (Дарза-нана), а не Мать вод и ветров (по версии В.Светлова – Химехнинен). На это, кстати, обращают внимание и другие исследователи. Вот что по этому поводу пишет И.А.Дахкильгов: «Химехнинен – в буквальном переводе с ингушского «Мать воды и ветра». Такое название в народе встречается редко: обычно называют раздельно – «Мать вод» и «Мать ветра». Как правило, с горою Казбек связываются две матери: понизу горы – «Мехка нана» («Мать страны или – земли»), с вершиной горы – «Дардза нана» («Мать вьюг»). Функции всех этих Великих Матерей В. Светловым спутаны. Но то, что эти Матери ему

были известны, говорит в пользу того, что В. Светлов в общем был знаком с ингушской мифологией. Вместо Химихананы в тексте должна была быть Дардза-нана – Мать вьюг. Об этом невольно свидетельствует и сам В. Светлов, ведь он озаглавил этот текст «Сыновья вьюги», а в самом тексте пишет, что Казбек охраняет Богиня вьюг» [1:107-108].

Вернемся к вопросу о степени «ингушскости» рассматриваемого текста. Обычно культурный герой в ингушском фольклоре добывает для людей огонь, водяную мельницу, овец и т.д., другими словами – все то, что было действительно крайне необходимо для горцев, живших в холодных, бесплодных ущельях, в самых суровых условиях. В нашем же случае культурный герой добывает тростник для строительства хижин. Горцы-ингуши строили свои жилища из камня, дерева, глины, но из тростника – почти никогда. Нам представляется, что в исконно ингушское сказание, записанное В. Светловым, тростник мог «проникнуть» из фольклора народов, в прошлом кочевых и полукочевых. Так, в кабардинском фольклоре известен текст «Мечь тха» [15:106], сюжет которого схож с сюжетом «Семи сыновей вьюги»: «От времени до времени прикованный старик спрашивает у своих стражей:

– Растет ли еще на земле камыш? Плодятся ли еще на земле ягнята?

И слышит в ответ:

– Камыш на земле растет. Ягнята на земле плодятся».

Кабардинский вариант был опубликован в 1874 году, т.е. до того, как В. Светлов побывал в Ингушетии. Поэтому нельзя исключать, что упоминание в ингушском сказании тростника появилось под влиянием публикации кабардинского текста по «вине» В. Светлова.

В древнем эпосе ингушей отразились их религиозные, т.е. языческие представления. В мифах, легендах, сказаниях и преданиях отражены народное мировоззрение, народная этика, представления язычников о явлениях природы, происхождении человека, происхождении мира. Фольклор дает нам убедительные свидетельства того, что в древности ингуши обожествляли, считали священными вершины Казбека

(Бешлом) и Столовой горы (Мяттлом). Об этом пишут С. Висковатов [2:411], Б. Далгат [5:41-132; 6] и многие другие авторы XIX в. Они отмечают, что, по представлениям ингушей, на вершине Казбека обитают горные духи Мягкинен (Мехка-нана) и Дардза-нянильг (Дарза-нана). «...Мать вьюг имела семерых сыновей, которые покинули ее и ушли на небо; это Большая медведица – Дардза-Къонгаж. Сама Мать вьюг сидит на снежной вершине Казбека, - пишет У.Б. Далгат, комментируя текст Б.К. Далгата. – У нее постоянно горят три головни дерева, и имеется вечный хлеб. Когда Дардза-нянильг съедает его часть, он сам собою восстанавливается; у нее имеется также вечно возобновляющаяся вареная ляжка барана. Дардза-нянильг является не простым горным духом (наподобие духов пещер, известных горцам), а настоящей богиней. Для ее умилостивления в Девдоракском ущелье на реке Кабахи был устроен ингушами особый жертвенник – Даба. В жертву приносили туры и козы рога. Летом в честь богини устраивалось празднество. Все жители аула Гвелеты собирались к Даба и проводили время в плясках и песнях, принося в жертву скот» [7:49-50].

Известный исследователь ингушского нартского эпоса А.О. Мальсагов совершенно справедливо считает, что в «Семи сыновьях вьюги» запечатлелась древняя мифология ингушей [10:38].

С. Висковатов в указанной выше работе отмечает, что, по словам ингушского охотника Цогола, богиня начертала на Казбеке магический круг, перешагнуть за который никто из смертных не смеет. По словам С. Висковатова, все горные завалы на Казбеке ингуши приписывают Матери вьюг.

По сведениям В. Козьмина, ингушское поверье о Матери вьюг гласит, что когда-то она была великим и добрым духом женского пола и была помощницей Бога; но, воплотившись в сатану, она навлекла на себя божий гнев и была обречена на вечное проживание у вершины Казбека. Она, однако, не была лишена всей власти, в ее собственности остались окрестности Бешлом-Корта (т.е. Казбека) со всеми живущими там птицами и зверями. Когда она сердится, то насыляет на людей и жи-

вотных страшные тучи и ветры, способные опрокинуть все горы, кроме Казбека.

Бешлом-Корт, по мнению многих исследователей, был центром мифологии ингушей, местом обитания их языческих богов. По одной из легенд, также упоминаемой в указанной работе С. Висковатова, во время всемирного потопа спастись смогла лишь семья одного старца. Корабль с этой семьей пристал к вершине Казбека, семья, таким образом, спаслась, а затем расплодилась и заселила землю. В этой легенде также упоминаются семь сыновей этого старца, которые стали звездами и улетели на небо.

Вполне очевидно, что сказание «Семь сыновей вьюги» отражает мифологические и религиозные представления древних ингушей. Видимо, поэтому этот текст был включен в первый том «Антологии ингушского фольклора», посвященный мифам. Однако в данном сказании главными героями являются нарты. Вот как начинается текст: «Это было в те незапамятные времена, - рассказывают старики-ингуши, - когда землю населяли нарты, сотворенные всеильным Тга после того, как он сотворил лучшее украшение Вселенной – снежного великана Бешлам-Корт. Нарты были могущественные и сильные люди – великаны, которых Тга поселил у подножья горы в тесной долине, по ложбине которой протекала бурная река...

Великаны-богатыри славились неслыханным мужеством, храбростью и гордостью, особенно отличались этими качествами предки тех сотворенных всеильным Тга нартов, которые поселились у Бешлам-Корта. Они... проводили жизнь в набегах, грабежах и разбоях. В особенности они были беспощадны к нартам-людоедам и вели с ними никогда не прекращающуюся войну, часто побеждая их вследствие своей природной хитрости и ума».

Вопрос о том, к какому жанру ингушского фольклора, мифам или нартскому эпосу, относится данный текст, остается, на наш взгляд, спорным. Очевидно, этот текст можно отнести к древнейшему пласту ингушской Нартиады. Позже сказание «Семь сыновей вьюги» было включено в сборник нартских сказаний [8].

Проблема жанровой принадлежности отдельных текстов Нартиады актуальна и для других народов Северного Кавказа. Об этом пишет известный исследователь адыгского нартского эпоса А.М. Гутов. Он отмечает, что архаический героический эпос черпает из мифологии и сюжеты, и мотивы, и существенные черты мировидения. «...В мифологии и архаическом эпосе нередко встречается целый ряд общих персонажей, а многие элементы мифологического воззрения этноса сохраняются только в древних эпических сказаниях», – пишет он [4:93].

Архаический, древнейший пласт нартского эпоса и его поздний цикл имеют, помимо прочих, и еще одну интересную черту – так называемую установку на правдивость (каждый для своего периода), хотя главным источником сюжетов и мотивов первого являются языческие представления и мифологические условности, а для второго – события, которые могли иметь место в действительности.

Таким образом, мы можем говорить о том, что сказание «Семь сыновей выюги» имеет в своей основе (сюжет, мотивация, имена героев, этические представления и т.д.) мифологические представления и языческие воззрения древних ингушей [11:115-118]. Само сказание можно отнести к древнейшему пласту ингушского нартского эпоса. Оно является весьма оригинальной версией широко известной в мире темы богоборчества. Упоминание в тексте тростника как строительного материала не может считаться характерным для ингушского фольклора и, скорее всего, было заимствовано В. Светловым из фольклора кочевых и полукочевых в прошлом народов, в частности, адыгов. Его главный герой Курюко является одновременно культурным героем и трикстером.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антология ингушского фольклора. Т.1. Составление, перевод и комментарии И.А. Дахкильгова. Нальчик, 2003. С.107-108.

2. Висковатов С. С Казбека // «Русский вестник», т. 60. СПб., 1865. С. 411.
3. Гаврилов Д.А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. М. 2006.
4. Гутов А.М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик, 2000. С.93.
5. Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Вып. III, кн. 2. Владикавказ, 1893. С. 41-132;
6. Далгат Б. (под псевдонимом «Беркут»). Казбек (как центр мифологии и святыни туземцев). // Газ. «Казбек», 1895, №1.
7. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 49-50.
8. Дахкильгов И.А. Ингушский нартский эпос. Нальчик. 2012.
9. Евлоева А.М. Ингушский герой Курюко в драматической поэме Саида Чахкиева «Чаша слез» // Ученые записки ИнгНИИГН. Серия «Фольклор и этнография». Вып. 3. Магас, 2008. С. 104-112.
10. Мальсагов А.О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970. С. 38.
11. Матиев М.А. О древнейшем пласте ингушского нартского эпоса // Материалы 8-й Международной научно-теоретической конференции «Европа: актуальные проблемы этнокультуры». Минск. 2015. С.115-118.
12. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
13. Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.
14. Новик Е.С. Структура сказочного трюка // От мифа к литературе. Сб. в честь семидесятилетия Е. М. Мелетинского. М., 1993. С. 145-160.
15. «Путеводитель и собеседник по Кавказу». М., 1874 // Кабардинский фольклор. Нальчик, 2000. С. 106.
16. Светлов В.Я. Сочинения. СПб., 1910, Т.2. С.198-214.
17. Гелани Халухаев, Анна Кузнецова. Ингушский нартский эпос. Структура и место в мировом фольклоре. М., 2013.